

О.Б. Боброва (Москва, Россия)

К вопросу о роли метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» Н. Казандзакиса

Аннотация: В статье анализируются полученные методом сплошной выборки языковые метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ, употребляемые греческим писателем и журналистом XX в. Никосом Казандзакисом в тексте сборника путевых заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία». Теоретическую основу исследования составляет когнитивная теория метафоры. Анализ построен на рассмотрении семантики лексики, представляющей сферу-источник метафор в тексте. Такой подход позволяет выявить виды метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в тексте, а также их роль в изображении автором картины мира и в выявлении его отношения к описываемой им русской действительности. Как показывают результаты исследования, метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в рамках текста делятся на следующие категории: 1) собственно «мортальные», т. е. описывающие человека как неодушевленный предмет и употребляемые для его отрицательной характеристики; 2) метафоры «вместилища», описывающие человека через наполненность его внутреннего мира; 3) метафоры, описывающие человека как предмет, но при этом употребляемые для его положительной характеристики.

Ключевые слова: Никос Казандзакис, «Ταξιδεύοντας. Ρουσία», лексическая семантика, когнитивная метафора, языковая метафора, языковая картина мира

O.V. Bobrova (Moscow, Russia)

The MAN-OBJECT metaphor in “Ταξιδεύοντας. Ρουσία” by Nikos Kazantzakis

Abstract: This article analyses the specifics of the MAN-OBJECT metaphor in “Ταξιδεύοντας. Ρουσία» written by the 20th-century Greek writer and journalist Nikos Kazantzakis. The analysis is based on cognitive metaphor theory, with a focus on the semantics of the source domain lexeme used in the metaphor. The MAN-OBJECT metaphorical shifts reveal the categories: 1) ‘mortal’ metaphors used for a negative characterization of the man describing him as an object: 2) container metaphors which are used to characterize the man for the fullness of his inner world; 3) metaphors used for a positive characterization of the man though the object meaning he possesses.

Key words: “Ταξιδεύοντας. Ρουσία”, Nikos Kazantzakis, conceptual metaphor, lexical semantics, linguistic world image

Определяя метафору как «необходимое орудие мышления, форму научной мысли» [Ortega-i-Gasset 1990: 68], современная наука признает ее универсальным и вездесущим инструментом познания мышления через язык [Lakoff, Johnson 2004: 25].

В трактатах Аристотеля «Поэтика» и «Риторика» метафора определяется как «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на вид, или по аналогии» [Aristotel 2007: 191] и представляется обязательным атрибутом поэтического слова, происходит «от слов прекрасных по звуку, или по значению, или для зрительного или для другого восприятия», а потому является показателем эстетической ценности речевого произведения [Aristotel, 2005: 130]¹.

Вехой в исследовании метафоры становится труд швейцарского лингвиста Шарля Балли «Французская стилистика». Опираясь на сосюрговскую диалектику, Балли разделяет стиль речи индивида и литературный стиль того или иного автора. Метафора при этом мыслится как органическое свойство мышления, обусловленное неспособностью человеческого ума к абсолютной абстракции².

Окончательно завершился перенос метафоры из сферы языковой в сферу когнитивную публикацией книги «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где указывается, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Lakoff, Johnson 2004: 25].

Так метафора с течением времени получила статус универсального способа исследования действительности [Richards 1990: 46]. В то же время метафорический процесс всегда субъективен [Teliya 1988: 42], что дает основания утверждать, что употребленные в каком-либо тексте метафоры являются отражением сугубо авторской картины мира [Arutyunova 1990: 16], поскольку «картина мира по сути есть отражение окружающего мира в голове человека» [Krasnykh 2003: 17] и в силу этого непосредственно связана с его мышлением.

Предполагается, что семантический анализ лексем того или иного текста, употребленных метафорически, позволит выделить основные типы метафор, которые, в свою очередь, напрямую отражают стиль мышления автора, поскольку словоупотребление и выбор лексического материала «идет через сферу мыслительной деятельности человека (или, иначе, через концепт)» [Koshevaya 2015: 6].

Предметом анализа в настоящей статье являются метафоры в тексте сборника путевых заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» греческого писателя XX в Никоса Казандзакиса. Метафора при этом рассматривается как построенное на сопоставлении двукомпонентное семантическое образование, один из компонентов которого обозначает сферу-источник, а второй – сферу-цель [Brown, Miller 2013: 284].

Список анализируемого материала ограничен метафорами, семантические элементы которых образуют схему А-В, где А и В – лексемы, способные обозначать и субъекты сравнения, и результаты компаративного анализа [Moskvin 2012: 86], т. е.

¹ Таким образом, как отмечает А.Ф. Лосев, несмотря на свою антропоцентричность, античное сознание не характеризуется персонификацией и метафоризацией природы, поскольку она «объективно мифична»: «Метафора всегда есть продукт личного произвольного фантазирования поэта. Употребляющий метафору поэт *не верит* в объективность своей метафоры, она имеет лишь субъективно-эстетический смысл» (курсив наш. – О.Б.) [Losev 2000 : 91].

² «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» [Balli 2001: 214].

имена существительные. Предполагается, что именно такого типа метафоры, а конкретнее – выбор поля-источника для них, лучше всего описывают внутренний мир автора, его убеждения и идеологические установки, поскольку отражают способы концептуализации автором собственного опыта [Lakoff, Johnson 2004: 49].

Рассмотреть все примеры метафор такого типа в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся лишь теми, сфера-источник и сфера-цель которых представлены лексемами с семантикой предмета и человека соответственно. Такие метафоры обозначаются как относящиеся к семантической группе ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ.

Перенос ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ является одним из самых распространенных типов метафоры в языке. Именно в метафорических переносах такого типа ярче всего проявляется такое свойство метафоры, как антропометричность, т. е. «соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании» [Телия 1988: 7], которая объясняется в первую очередь тем, что «человек познает мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем» [там же].

Определяя такие метафоры как «антропоцентрические», Г.Н. Скляревская отмечает: «Едва ли не любое свойство любого предмета... может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне» [Скляревская 1993: 82]. При этом, по ее мнению, «функция характеристики является для ЯМ (языковой метафоры) первичной: метафора не столько указывает на предмет речи, сколько характеризует его» [Скляревская 1993: 19], в силу чего слово, употребляемое в тексте метафорически, «генерирует в сознании читателя соответствующие смыслы, апеллирует к его чувственному и эмоциональному опыту» [Коньков, Митрофанова 2016: 55].

В рамках настоящего исследования выделенные путем сплошной выборки метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ распределены по группам на основании семантики сферы-источника (ПРЕДМЕТ), поскольку представляется, что «частичное воспроизведение структуры источника в структуре цели» указывает на вторичность последней [Lakoff, Johnson 2004: 28]. Понятие «предмет» при этом рассматривается широко и включает «всё бесконечное многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию, имеющих пространственную локализацию, форму, способность двигаться, а также объекты невидимого мира (*атом, вакуум*) (курсив наш. – О.Б.) и объекты, логически вычлняемые человеком» [Скляревская 1993: 67–68].

Сфера-цель, в свою очередь, представлена не только лексемой, включающей сему 'человек', но и лексемами с семантикой частей тела или состояния человека, поскольку представляется логичным и те, и другие отнести к семантической сфере ЧЕЛОВЕК.

В тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» нами было обнаружено 9 метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ. Лексемы сферы-источника формируют следующие семантические группы: 1) «метафоры вместилища» (*ράφι* 'полка', *κορνίζα* 'рамка', *αργαστήριο* 'лаборатория', *κουβάρι* 'клубок'); 2) предметы, связанные с повседневной хозяйственной деятельностью (*όργανο* 'инструмент', *ζύμη* 'тесто'); 3) предметы, выделяемые в силу их особой ценности для человека (*άρτος* 'хлеб', *άνθος* 'цветок'); 4) акустическое явление (*σύνθημα* 'лозунг').

К первой группе метафор наиболее удачно применимо определение «метафоры вместилища», употребляемое Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson

2004: 55], поскольку все они обозначают некоторое пространство, предназначенное для размещения чего-либо.

Например, в метафоре «*αραχνιασμένο ράφι του κεφαλιού σου*»¹ голова человека сопоставляется с устаревшими, отжившими свое буржуазными идеями и описывается как пространство (полка), забитое ненужным хламом и потому покрывшееся паутиной. Еще один пример такого рода представлен в метафоре «*η κορνίζα μένει – η καρδιά του ανθρώπου – το κόνησμα μονάχα αλλάζει*»², где сердце человека представляется как рамка для иконы. Обе лексемы, употребляющиеся в тексте метафорически, *ράφι* ‘полка’ и *κορνίζα* ‘рамка’, ‘карниз’, объединены общей семей ‘быть предназначенным для размещения чего-либо’.

Тематически близка к упомянутой и метафора «*αργαστήρια της σάρκας*» («лаборатории плоти»), употребляющаяся для описания советских людей. Лексема *εργαστήριο* ‘лаборатория, лабораторная работа’ обозначает в новогреческом языке в широком смысле любое помещение, предназначенное для правильной подготовки и тренировки в какой-либо области знаний [МП: 668]. Таким образом, при всей кажущейся механистичности этой метафоры (сопоставление человека с лабораторией) смысл ее таков: в душе людей идет напряженная работа. Приняв во внимание контекст, мы обнаружим, что эта работа состоит в выработке «новых мечтаний» («*νέα οράματα*»), что сводит на нет всякое подозрение об овеществлении описываемых с помощью подобной метафоры людей.

К этой же группе, по нашему мнению, можно отнести и метафору «клубок надежд и разочарований» («*ένα κουβάρι ελπίδες και απογοητεύες*»), описывающую человека. Лексема *κουβάρι* ‘клубок’, помимо обозначения шарообразного мотка ниток, употребляется и в наречном значении: расположение разнородных вещей кучей, грудой. Как видим, сема размещения чего-либо где-либо актуальна и здесь, что дает нам основание отнести данную метафору к группе «метафор вместилища». Обратим, однако, внимание на то, что в мире Н. Казандзакиса настоящий человек всегда ищет и сомневается, в силу чего такое хитросплетение чувств и переживаний («клубок») становится его постоянным спутником («*τώρα είσαι αληθινός άνθρωπος – ζεστός, γιομάτος αντιφάσεις, ένα κουβάρι ελπίδες κι απογοητεύες*»³).

Как следует из анализа, перечисленные выше «метафоры вместилища» не имеют целью «овеществление» человека, а употребляются автором скорее для того, чтобы подчеркнуть приоритет внутреннего мира человека над внешним: в одних случаях – подчеркнуть напряженность его внутренней жизни, в других – показать, что отсутствие такой жизни ведет к плачевным последствиям.

Метафоры, построенные на переносе свойств с неодушевленного предмета или объекта, осознаваемого как предмет, на человека, обычно имеют целью дать отрицательную характеристику того или иного героя, подчеркивая в нем неживые качества, свойственные предмету. В силу этого обстоятельства в некоторых исследованиях метафоры такого типа обозначаются как «мортальные» [Tsinkovskaya 2010: 154], поскольку сопоставление человека с предметом указывает на некоторую «неодушевленность», «безжизненность» первого.

Примерами такой «овеществляющей» метафоры в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» являются следующие переносы: ЧЕЛОВЕК-ИНСТРУМЕНТ («*ο πολυσεβικισμός δεν*

¹ «Покрытая паутиной полка твоей головы».

² «Рамка – сердце человека – остается, только изображение меняется».

³ «Ты сейчас настоящий человек – горячий, полный противоречий, клубок надежд и разочарований».

αναγνωρίσει το άτομο ως σκοπό, παρά μονάχα ως όργανο και μέσο»¹) и МУЖИК-ТЕСТО («τη σκοτεινή ζύμη που ζύμωσε – το μουζίκο»²).

Лексема *όργανο* ‘орган’, ‘инструмент’, обозначая метафорически любой предмет или лицо, используемое для достижения какой-либо цели [МП: 1268], показывает, что человеку в большевистском мире отведена роль орудия, слепо повинующегося чужой воле. Личность, таким образом, лишается всего дифференцирующего и персонального и становится лишь средством в достижении общей цели.

Лексема *ζύμη* ‘тесто’, ‘закваска’ определяется в словаре как ‘смесь муки и воды’ или ‘вещество, вызывающее заквашивание и увеличение теста в объеме’ [МП: 714] и употребляется Н. Казандзакисом метафорически для описания крестьянства как слепой (*σκοτεινή* ‘темная’) и пассивной массы. В то же время у лексемы *ζύμη* ‘тесто’ присутствует семантический компонент ‘брожение’, ‘увеличение в объеме’, что показывает, что в данном случае автор имеет целью не «умертвить» крестьянство, изобразив его как предмет, а, напротив, подчеркнуть изменения, происходящие в среде крестьянства и его медленное преображение под влиянием новой советской идеологии.

Относясь, на первый взгляд, к категории «мортальных» в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία», обе указанные метафоры тем не менее имеют одну важную общую особенность: описывая человека как предмет, они в то же время помещают его в более широкий контекст. Как закваска, так и любой инструмент не представляют собой «вещи в себе», а ценны с точки зрения результата их применения. Так и личность в эпоху победившего социализма подчиняется обществу во имя его блага и целостности («κάθε ατομικό δικαίωμα υποτάσσεται στο συμφέρο της ολότητας»³), а брожение в крестьянской среде необходимо, чтобы коренным образом изменить социально-политическое устройство государства и привычный способ мышления народных масс.

Метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ, вопреки приписываемой им функции «овеществления» человека, могут играть в тексте прямо противоположную роль, о чем свидетельствуют переносы, относящиеся к 3-й и 4-й группам. Так, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский сопоставляются автором с хлебом («ο Πούσκιν, ο Γκόγκολ, ο Τολστόι, ο Δοστογιέφски, οι μεγάλοι άρτοι»⁴). Отметим, что автор использует здесь не стилистически нейтральное и разговорное слово *ψωμί* ‘хлеб’, а библейское *άρτος* ‘хлеб’, таким образом оставляя в тексте своеобразную гиперссылку именно на цитату из Второзакония: «...не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек [Втор., 8:3]. Перенос является двойным по своей сути: имена авторов в результате метонимического переноса употребляются для обозначения их произведений, которые, в свою очередь, описываются как духовная пища для человека.

Если хлеб ценен благодаря его способности поддерживать жизнь (в данном случае духовную), то цветок, с которым сопоставляется маленькая девочка-танцовщица, увиденная автором в Баку («το φλεγόμενο άνθος του πετρελαίου»⁵), имеет для человека эстетическую ценность. Танцующая девочка воплощает, с одной стороны, красоту молодости, так как слово *άνθος* ‘цветок, цвет’ по-гречески обозначает собственно цветок, а потому в сознании среднего носителя языка имеет коннотации

¹ «Большевизм рассматривает человека не как цель, а как инструмент и средство».

² «Темное тесто, которое он замесил, – мужика».

³ «Любой личный интерес подчиняется интересу целого».

⁴ «Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, огромные караваи хлеба».

⁵ «Пылающий цветок нефти».

‘прекрасное’, ‘нежное’, ‘благоухающее’, ‘свежее’. С другой стороны, та же лексема в греческом языке обозначает момент наивысшего развития или лучшую часть чего-либо (ср. *цвет нации* в русском языке). Возможно, в метафоре реализуется именно это значение лексемы, так как контекст ее употребления показывает, что для автора танец является наилучшим способом преодоления мелкого и единичного в человеке и моментом его наивысшего духовного подъема: «*Ο χορός κι ο έναστρος ουρανός είναι, θαρρώ, τα δύο ανώτατα θεάματα που μπορούν να χαρούν τα μάτια του ανθρώπου. Όταν, πριν από κάμποσα χρόνια, είδα τις δύο μεγάλες χορεύτρες... ένιωσα... πώς μπορεί ο χωματένιος άνθρωπος να ξεπεράσει τα σύνορα της ζωής και του Θανάτου*»¹.

Сфера-цель в метафорах ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ текста «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» может быть представлена и лексемой, обозначающей не пространственное, а звуковое явление: «*ο Λένιν έγινε σύνθημα*»². В новогреческом языке лексема *σύνθημα* ‘лозунг’ определяется как краткая, часто рифмованная фраза, с помощью которой группа людей выражает свои стремления, желания, поддержку или разочарование в ком-либо или чем-либо [МП: 1707]. Таким образом, эта метафора показывает, что персоналия вождя советского государства перестает ассоциироваться с конкретным человеком, а приобретает всеобщие и универсальные черты, становится символом и полюсом притяжения для его сторонников, поскольку в идеологии марксизма великий человек не является просто отдельной личностью, а, подобно лозунгу, «формулирует... сознательно силы и желания народа и своей эпохи» («*διατυλώνει... συνειδητά τις δυνάμεις και τις πεθυμίες του λαού και της εποχής του*»).

Как видим, метафора семантической группы ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ не только выполняет в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» функцию отрицательной характеристики описываемого персонажа, сопоставляя его с тестом (*ζύμη*) или инструментом (*όργανο*), но и, напротив, используется автором с прямо противоположной целью, например, при сравнении русских писателей с караваем хлеба (*άρτοι*), питающими человека.

Даже в случаях, когда для описания человека используются наименования орудий и других предметов (напр., *ράφι* ‘полка’), семантический анализ лексемы сферы-источника показывает, что авторский замысел идет гораздо дальше, чем просто обезличивание описываемых героев, наделяя их, как следствие, отрицательной характеристикой. Как следует из приведенных примеров, такая метафора не имеет целью лишить описываемого человека его «человечности». Напротив, ее функция – обозначить в нем самое главное, выделяющее его среди остальных, одну черту, воплощающую его целиком, показать, «вместилищем» чего именно является человек вообще и советский человек в частности в картине мира автора. Таким образом, человек вообще для Казандзакиса определяется через наполненность его внутреннего мира (*laboratorio мечтаний, клубок надежд и разочарований, голова-полка, сердце-рама*), Ленин – через его «сверхчеловечность» и объединяющую силу его имени (лозунг), а великие русские писатели – через способность давать пищу для души и ума.

В то же время сопоставление человека с неодушевленным предметом в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» (в нашем случае это лексемы *ψωμί* ‘хлеб’ и *άνθος* ‘цветок’) может выполнять и функции, прямо противоположные «овеществляющим», если сфера-источник представлена лексемой, обладающей определенным набором положительных коннотаций.

¹ «Я думаю, что танец и звездное небо – два самых высоких зрелища, которыми могут насладиться глаза человека. Когда я несколько лет назад увидел двух великих танцовщиц, я почувствовал, как обычный земной человек может преодолеть границы жизни и смерти».

² «Ленин – это лозунг».

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Професс, 1990. С. 8–32.
- Балли 2001 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
- Кошечкина 2015 – *Кошечкина И.Г.* Язык как микрокосмос сознания: Уровни языкового абстрагирования. М.: ЛЕНАНД, 2015. 216 с.
- Красных 2003 – *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТ-ДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Лакофф, Джонсон 2004 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
- Лосев 2000 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
- Москвин 2012 – *Москвин В.П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
- ΜΠ 2002 – *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα: Κέντρο λεξικολογίας Ε.Π.Ε., 2002. 2033 σ.
- Ричардс 1990 – *Ричардс А.* Философия метафоры // Теория метафоры: Сборник / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153–171.
- Телия 1988 – *Телия В.Н.* Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 176 с.
- Ортега-и-Гассет 1990 – *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68–80.
- Цинковская Ю.В.* Виды художественных метафор в современной русской прозе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2010. № 3. С. 153–158.
- Brown, Miller 2013 – *Brown K., Miller J.* The Cambridge Dictionary of Linguistics. New York: Cambridge University Press, 2013. 481 p.

REFERENCES

- Arutyunova 1990 – Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse. In: Metaphor Theory. Moscow. Profess Publ. 1990, pp. 8–32.
- Bally 2001 – Bally C. French Stylistics. Moscow. Editorial URSSPubl. 2001. 392 p.
- Koshevaya 2015 – Koshevaya I.G. Language as Microcosm of Conscious: Levels of Language Abstraction. Moscow. LENAND Publ. 2015. 216 p.
- Krasnykh 2016 – Krasnykh V.V. (2016) Dictionary and Grammar of Linguoculture; Bases of Psycho-linguo-culturology. Moscow. Gnosis Publ. 496 p.
- Lakoff, Johnson 2004 – Lakoff G., Johnson M. (2004) Metaphors We Live By. Moscow. URSS Editorial Publ. 256 p.
- Losev 2000 – Losev A.F. (2000) The History of Ancient Aesthetics. Early Classic. Moscow. AST Publ. 624 p.
- Mosckvin 2012 – Mosckvin V.P. (2012) Russian Metaphor: An Essay of Semiotic Theory. Moscow. LKI Publ. 200 p.
- Richards 1990 – Richards A. The Philosophy of Metaphor. In: Metaphor Theory. Collection / Ed. by N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow. Progress Publ. 1990, pp. 153–171.
- Teliya 1988 – Teliya V.N. (1988) Metaphor in Language and Text. Moscow. Nauka Publ. 176 p.

Ortega-i-Gasset 1990 – Ortega-i-Gasset X. Two Great Metaphors. In: *Metaphor Theory. Collection* / Ed. by N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow. Progress Publ. 1990, pp 68–80.

Tsinkovskaya 2010 –Tsinkovskaya Y.V. Types of Artistic Metaphors in Contemporary Russian Prose. *Scholarly Notes of Transbaikal State University (Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta)*. Series: *Philology, History, Oriental Studies*. 2010. No 3, pp. 153–158.

Brown, Miller 2013 – Brown K., Miller J. (2013) *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. N.Y. Cambridge University Press. 481 p.

ΜΠ 2002 – Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα. Κέντρο λεξικολογίας Ε.Π.Ε. 2002. 2033 σ.

Сведения об авторе:

Ольга Борисовна Боброва,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga B. Bobrova,
Postgraduate Student
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
boberdober88@mail.ru